

Подп. цѣна	КИТАЙСКІЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ	Объявленія:
На 1 г. 3 д.		въ 1 номерѣ
„ 6 м. 1.50		1 стр: \$ 2.50
„ 3 м. 0.75		½ „ \$ 1.25
„ 1 м. 0.25		¼ „ \$ 0.75
Годъ изданія 35.	№ 7.	іюль 1937 года.

О Б Р А Щ Е Н І Е

Начальника Россійской Духовной Миссиі въ Китаѣ,
 Преосвященнѣйшаго **ВИКТОРА**, Епископа Китайскаго
 и Пекинскаго ко „Дню Жертвы Богу“.

Возлюбленные во Христѣ!

Четыре года тому назадъ была забита первая свая фундамента Богородицкаго Собора. Тогда это святое начинаніе многимъ казалось безумнымъ. Бѣдность, депрессія, раздробленность русской колоніи — все говорило за невозможность завершения начатой постройки. Друзья предупреждали насъ не рисковать, а недруги готовились отпраздновать провалъ святаго дѣла и про себя злорадно посмѣивались.

Но мы не смутились этимъ, крѣпко помолившись, предавши все на волю Божью, взяли дружно за святое дѣло. И Господь помогъ, молитвами святителя Симона.

Мы сознавали, что успѣхъ будетъ чудомъ — но мы вѣрили въ возможность чуда — и чудо свершилось.

Великимъ огненнымъ порывомъ откликнулись православные на мой призывъ, загорѣлись души, открылись сердца, проснулся русскій духъ въ русскихъ людяхъ. Отдали вѣрующіе и свои дѣньги, и знаніе, и силы, и сердце. На трудовые рубли бѣдняковъ выросъ величественный Богородицкій Соборъ.

Слава Богу, слава и всѣмъ потрудившимся въ этомъ святомъ дѣлѣ.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
 С. П. П. П.
 Инв. № *СР* 1414

Не мнѣ благодарить васъ, возлюбленные во Христѣ. Самъ Соборъ, вами созданный,—ваша жертва Богу, Божій даръ вамъ,—лучшая похвала, лучшее свидѣтельство вашей вѣры и вѣрности, знаменіе грядущимъ поколѣніямъ.

Но еще не завершёнъ Соборъ. Еще много трудовъ потребуется и средствъ не мало. А съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становится работать.

Первый порывъ охватилъ всѣхъ, всколыхнулъ и далекія сердца. А потомъ, какъ всегда, появилась усталость, ряды работниковъ стали рѣдки, средствъ стало притекать все меньше. Все большимъ гнетомъ ложилась на плечи оставшихся и матеріальная и моральная тяжесть работы и отвѣтственности.

Многое еще надо завершить — а силъ мало, и возможности оскудѣли и ряды сотрудниковъ порѣдѣли. Что же? Остановятъ насъ эти трудности? — Или, быть можетъ, горькій упрекъ поднимется въ сердцахъ противъ тѣхъ, кто могъ бы еще потрудиться, но усталъ и отошелъ?

Нѣтъ, не упрекать должны мы, а благодарить — отъ всей души, отъ всего сердца. Они уже исполнили свою сильную работу, уже внесли свою лепту. Честь имъ и слава за то, что они сочли святымъ долгомъ своимъ исполнить. Научимся благодарить за малое, чтобы стать достойнымъ большаго. Сами же для себя не будемъ ждать благодарности и похвалы.

Вышей похвалой сочтемъ завершеніе того служенія, къ которому призвалъ насъ Промыслъ Божій. Дастъ Богъ,—придетъ часъ, когда мы станемъ достойны этой похвалы.

Творить духовныя цѣнности, строить жизнь на вѣрѣ и вѣрности высокими идеаламъ,—всегда было трудно, а въ наши дни грядущаго антихриста — стало великимъ подвигомъ. Не каждый способенъ на этотъ подвигъ. Онъ требуетъ постоянства и терпѣнія, требуетъ умѣнія не отвѣчать ни словомъ, ни сердцемъ на напраслину человѣческую; требуетъ силы духа, которая не изсякаетъ и тогда, когда кругомъ невзгоды и скорби; требуетъ вѣры живой, которая не колеблется предъ лицомъ неодолимыхъ для человѣка препятствій и трудностей; требуетъ и труднѣйшаго — умѣнія слушаться и подчиняться, несмотря на всѣ эти достоинства.

Высоки эти требованія, потому такъ много уставшихъ, отошедшихъ отъ святого дѣла. Но за то невзгоды и трудности выковали и сплотили крѣпкій кругъ вѣрныхъ тружениковъ, самоотреченіемъ освободившихся отъ себя, любовію слитыхъ воедино, послушаніемъ могучихъ, вѣрою въ помощь Божію неуязвимыхъ.

Братья-сотрудники!— Вы, которые не угасли духомъ отъ холода міра сего, не устали отъ непрерывнаго напряженія; не остыли сердцемъ отъ напраслинь и скорбей. Да будетъ намъ „День Жертвы“—днемъ духовнаго обновленія и уготовленія себя на новый годъ трудовъ и терпѣнія и предѣльнаго напряженія силъ. Не убоимся скорбей— ибо минуютъ скорби, а святое дѣло пребудетъ. Не отступимъ передъ трудностями, ибо невозможное, неодолимое для насъ—просто и легко исполнится съ Божіей помощью: вѣдь, Божіе дѣло творится нами.

Не ожесточимся и отъ напраслинь, и отъ черствости сердець человѣческихъ. Не надо намъ благодарности, ибо дано большее— дано благодарить и служить грядущимъ поколѣніямъ.

Съ горячей душой, съ открытымъ сердцемъ, съ братскою во Христѣ любовію возьмемся дружно за святое дѣло. Своимъ горѣніемъ возожжемъ зажечь и другихъ. А если угаснемъ, если остынемъ—кто согрѣетъ и зажжетъ насъ?!

Снова пойдемъ стучаться въ сердца, будить души. Быть можетъ, проснутся, откликнутся хотя бы немногіе изъ многихъ. Выйдемъ сѣятелями добраго сѣмени на ниву сердець человѣческихъ. Можетъ, гдѣ и взойдетъ брошенное нами сѣмя.

Всякій посѣвъ скорбенъ, ибо подобенъ утратѣ, но радость жатва.

Принесемъ Богу въ жертву еще годъ нашей работы, терпѣнія, вѣры и вѣрности святому служенію, на которое званы мы Божіимъ Промысломъ.

Только своимъ жертвеннымъ порывомъ и можно пробудить откликъ въ сердцахъ уставшихъ и остывшихъ.

Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и челоуѣколюбіемъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВИКТОРЪ, Епископъ Китайскій и Пенинскій.

БЛАГОДАТНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

русского

НАРОДНАГО ДУХА.

рѣчь Профессора Академика В. О. Ключевскаго, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26 сентября 1892 г. въ память Преподобнаго Сергія.

Когда вмѣстѣ съ разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь въ ворота Сергіевой Лавры, иногда думаешь: почему въ этой обители нѣтъ и не было особаго наблюдателя, подобнаго древнерусскому лѣтописцу, который спокойнымъ неизмѣннымъ взглядомъ наблюдалъ и ровной безстрастной рукой записывалъ, „еже содѣяся въ Русской землѣ“, и дѣлалъ это одинаково изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, какъ будио это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не умиравшій цѣлыя столѣтія. Такой безсмѣнный и не умирающій наблюдатель рассказалъ бы, какіе люди приходили въ теченіе 500 лѣтъ поклониться гробу Преподобнаго Сергія и съ какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во всѣ концы Русской земли. Между прочимъ онъ объяснилъ бы намъ, какъ это случилось, что составъ общества, непрерывною волной притекавшаго ко гробу Преподобнаго, въ теченіе пяти вѣковъ оставался неизмѣннымъ. Еще при жизни Преподобнаго, какъ рассказываетъ его жизнеописатель-современникъ, многое множество приходило къ нему изъ различныхъ странъ и городовъ и въ числѣ приходившихъ были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, „на селѣ живущіе.“ И въ наши дни люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекаютъ ко гробу Преподобнаго съ своими думами, мольбами и упованіями, государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя или радостныя минуты своего частнаго существованія. И этотъ притокъ не измѣнялся въ теченіи вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ и настроеніи русскаго общества: старыя понятія изсягали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ Русской земли, бьютъ

до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключемъ, какъ били въ XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью Преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано предъ его гробомъ милліонами умовъ и сердець, это описаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочемъ, если Преп. Сергій доселѣ остается для проходящихъ къ нему тѣмъ же, чѣмъ былъ для нихъ при своей жизни, то и теперь на ихъ лицахъ можно прочесть то же, что прочесть бы монастырскій наблюдатель на лицахъ своихъ современниковъ 400 или 500 лѣтъ назадъ. Достаточно взглянуть на первыя встрѣчныя лица изъ многаго множества, въ эти дни здѣсь тѣснящагося, чтобы понять, во имя чего поднялись съ своихъ мѣстъ эти десятки тысячъ, а сотни другихъ мысленно слѣдовали за ними. Да и каждый изъ насъ въ своей собственной душѣ найдетъ то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобнаго. У этого чувства уже нѣтъ исторіи, какъ для того, кто покоится въ этой гробницѣ, давно остановилось движеніе времени. Это чувство вотъ ужъ пять столѣтій одинаково загорается въ душѣ молящагося у этой гробницы, какъ солнечный лучъ въ продолженіе тысячекратной одинаково свѣтится въ каплѣ чистой воды. Спросите лютого изъ этихъ простыхъ людей, съ посохомъ и котомкой пришедшихъ сюда издалека: когда жилъ Преподобный Сергій и что слѣлалъ для Руси XIV вѣка, чѣмъ онъ былъ для своего времени? и рѣдкій изъ нихъ дастъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ; но на вопросъ, что онъ есть для нихъ, далекихъ потомковъ людей XIV вѣка, и зачѣмъ они теперь пришли къ нему, каждый отвѣтитъ твердо и вразумительно.

Есть имена, которыя носили историческіе люди, жившіе въ извѣстное время, дѣлавшіе исторически-извѣстное жизненное дѣло, но имена, которыя уже утратили хронологическое значеніе, выступили изъ границъ времени, когда жили ихъ носители. Это потому, что дѣло, сдѣланное такимъ человѣкомъ, по своему значенію такъ далеко выходило за предѣлы своего вѣка, своимъ благовернымъ дѣйствіемъ такъ глубоко захватило жизнь дальнѣйшихъ поколѣній, что съ лица, его сдѣлавшаго, въ сознаніи этихъ поколѣній постепенно спадало все временное и мѣстное, и оно изъ историческаго дѣятеля превратилось въ народную

идею, а самое дѣло его изъ историческаго факта стало практической заповѣдью, завѣтомъ, тѣмъ, что мы привыкли называть идеаломъ. Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными ихъ спутниками, даже путеводителями, и цѣлыя вѣка благоговѣнно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для того, чтобы благодарно почитать ихъ память, сколько, для того, чтобы самимъ не забыть правила, ими завѣщаннаго. Таково имя Преподобнаго Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія.

Какой подвигъ такъ освятилъ это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался Преподобный. Онъ родился, когда вымирали послѣдніе старики, увидѣвшіе свѣтъ около времени татарскаго разгрома Русской земли, и когда уже трудно было найти людей, которые бы этотъ разгромъ помнили. Но во всѣхъ русскихъ нервахъ еще до боли живо было впечатлѣніе ужаса, произведеннаго этимъ всенароднымъ бѣдствіемъ и постоянно подновлявшагося многократными мѣстными нашествіями татаръ. Это было одно изъ тѣхъ народныхъ бѣдствій, которыя приносятъ не только матеріальное, но и нравственное раззореніе, надолго повергая народъ въ мертвенное оцѣпенѣніе. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положенію, не находя и не ища никакаго выхода. Что еще хуже, ужасомъ отцовъ, переживавшихъ бурю, заражались дѣти, родившіяся послѣ нея. Мать пугала непокойнаго ребенка лихимъ татаринномъ; услышавъ это злое слово, взрослые растерянно бросались бѣжать, сами не зная куда. Внѣшняя случайная бѣда грозила превратиться во внутренній хроническій недугъ; паническій ужасъ одного поколѣнія могъ развиваться въ народную робость, въ черту національнаго характера, и въ исторіи человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повѣтствующая о томъ, какъ нападеніе азіатскаго монгола повело къ паденію великаго европейскаго народа.

Могла ли, однако, прибавиться такая страница? Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служить его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжело его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянные нравственныя силы и воплотитъ

ихъ въ одномъ великомъ челоѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на позинутую имъ временно прямую историческую дорогу.

Русскіе люди, сражавшіеся и уцѣлѣвшіе въ бою на Сити, сошли въ могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокругъ, не займется ли гдѣ заря освобожденія? За ними послѣдовали ихъ дѣти, трезвожно наблюдавшія, какъ многочисленные русскіе князья холопствовали передъ татарами и дрались другъ съ другомъ. Но подросли вчуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться къ необычнымъ дѣламъ въ Русской землѣ. Въ то время, какъ всѣ русскія окраины страдали отъ внѣшнихъ враговъ, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопаснымъ, и со всѣхъ краевъ Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. Въ то же время московскіе князьки, братья Юрій и этотъ самый Иванъ Калита, смѣло, безъ оглядки и раздумья, пуская противъ враговъ всѣ доступныя средства, ставя въ игру все, что могли поставить, вступили въ борьбу съ старшими и сильнѣйшими князьями за первенство, за старшее Владимірское княженіе, и при содѣйствіи самой Орды отбили его у соперниковъ. Тогда же устроилось такъ, что и русскій митрополитъ; жившій во Владимірѣ, сталъ жить въ Москвѣ, придавъ этому городку значеніе церковной столицы Русской земли. И какъ только случилось все это, всѣ почувствовали, что татарскія опустошенія прекратились и наступила давно неиспытанная тишина въ Русской землѣ. По смерти Калиты Русь долго воспоминала его княженіе, когда ей впервые, въ сто лѣтъ рабства, удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Такъ къ половинѣ XIV в. подросло поколѣніе, выросшее подъ впечатлѣніемъ этой тишины, начавшее отвыкать отъ страха ордынскаго, отъ нервной дрожи отцовъ при мысли о татаринѣ. Недаромъ представителю этого поколѣнія, сыну великаго князя Ивана Калиты, Симеону, современники дали прозваніе Гордаго. Это поколѣніе и почувствовало ободреніе, что скоро забрежжетъ свѣтъ. Въ это именно время, въ началѣ сороковыхъ годовъ XIV в., совершились три знаменательныя событія: изъ московскаго Богоявленскаго монастыря вызванъ былъ на церковно-административные поприще скрывавшійся тамъ скромный 40-лѣтній инокъ Алексій; тогда же одинъ 20-лѣтній искатель пустыни, будущій Пре-

подобный Сергій, въ дремучемъ лѣсу—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ—поставилъ маленькую деревянную келію съ такою же церковію, а въ Устюгѣ у бѣднаго соборнаго причетника родился сынъ, будущій просвѣгигель Пермской земли, св. Стефанъ. Ни одного изъ этихъ именъ нельзя произнести, не вспомнивъ двухъ остальныхъ. Эта присноблаженная тройца яркимъ созвѣздіемъ блещетъ въ нашемъ XIV в., дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія Русской земли. Тѣсная дружба и взаимное уваженіе соединяли ихъ другъ съ другомъ. Митрополитъ Алексій навѣщалъ Сергія въ его обители и совѣтовался съ нимъ, желя ъ имѣть его своимъ преемникомъ. Припомнимъ задушевный разговоръ въ житіи Преподобнаго Сергія о проѣздѣ св. Стефана Пермскаго мимо Сергіева монастыря, когда оба друга на разстояніи 10 слишкомъ верстъ сбмѣнялись братскими поклонами.

Всѣ три св. мужа, подвизаясь каждый на своемъ поприщѣ, дѣлали одно общее дѣло, которое простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало политическое положеніе всего народа. Это дѣло—укрѣпленіе Русскаго государства, надъ созиданіемъ котораго по своему трудились московскіе князья XIV в. Это дѣло было исполненіемъ завѣта, даннаго русской церковной іерархіи величайшимъ святителемъ древней Руси митрополитомъ Петромъ. Еще въ мрачное время тагарскаго ига, когда ни откуда не проступалъ лучъ надежды, онъ, по преданію; пророчески благословлялъ бѣдный тогда городокъ Москву, какъ будущую церковную и государственную столицу Русской земли.

Духовными силами трехъ нашихъ св. мужей XIV в., воспринявшихъ этотъ завѣтъ святителя, Русская земля и пришла поработать надъ предвозвѣщенной судьбой этого города. Ни одинъ изъ нихъ не былъ кореннымъ москвичемъ. Но въ ихъ лицѣ сошлись для общаго дѣла три основныя части Русской земли: Алексій, сынъ черниговскаго боярина-переселенца, представлялъ старый киевскій югъ, Стефанъ—новый финско-русскій сѣверъ, а Сергій, сынъ ростовскаго боярина-переселенца, велико-русскую средину. Они приложили къ дѣлу могущественныя духовныя силы. Это были образованнѣйшіе русскіе люди своего вѣка; о нихъ древніе жизнеописатели замѣчаютъ, что одинъ „всю грамоту добрѣ умѣя“, другой „всякое писаніе ветхаго и новаго

завѣта пройде“, третій даже „книги греческія извѣче добрѣ“. Потому вѣдь и удалось московскимъ князьямъ такъ успѣшно собрать въ своихъ рукахъ матеріальныя, политическія силы русскаго народа, что имъ дружно содѣйствовали добровольно соединившіяся духовныя его силы.

Но въ общемъ дѣлѣ каждый изъ трехъ дѣятелей дѣлалъ свою особую часть. Они не составляли общаго плана дѣйствій, не распредѣляли между собой призваній и подвиговъ и не могли этого сдѣлать, потому что были люди разныхъ поколѣній. Они хотѣли работать надъ самими собой, дѣлать дѣло собственнаго душевнаго спасенія. Дѣятельность каждаго текла своимъ особымъ русломъ, но текла въ одну сторону съ двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, въ видимой работѣ которыхъ вѣрующій умъ прозрѣваетъ міродержавную десницу Провидѣнія. Личный долгъ каждаго своимъ путемъ велъ всѣхъ троихъ къ одной общей цѣли. Происходя изъ родовитаго боярства, искони привыкшаго дѣлать съ князьями труды обороны и управленія страны, митрополитъ Алексій шелъ боевымъ политическимъ путемъ, былъ преемственно главнымъ совѣтникомъ трехъ великихъ князей московскихъ, руководилъ ихъ боярской думой, ѣздилъ въ орду ублажать хановъ, отмаливая ихъ отъ злыхъ замысловъ противъ Руси, воинствовалъ съ недругами Москвы всѣми средствами своего сана, каралъ церковнымъ отлученіемъ русскихъ князей, непослушныхъ московскому государю, поддерживая его первенство, съ неослабной энергіей отстаивая значеніе Москвы, какъ единственнаго церковнаго средоточія всей политически разбитой Русской земли. Уроженецъ г. Устюга, въ краю котораго новгородская и ростовская колонизація, сливаясь и вовлекая въ свой потокъ туземную Чудь, создавала изъ нея новую Русь, св. Стефанъ пошелъ съ христіанской проповѣдью въ Пермскую землю продолжать это дѣло обрусенія и просвѣщенія заволжскихъ инородцевъ. Такъ церковная іерархія благословила своимъ починомъ двѣ народныя цѣли, достиженіе которыхъ послужило основаніемъ самостоятельнаго политическаго существованія нашего народа: это—сосредоточеніе династически раздробленной государственной власти въ московскомъ княжескомъ домѣ и пріобщеніе восточно-европейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ

Русской Церкви и народности посредством христіанской проповѣди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцевъ въ ограду христіанской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать въ уровень столь высокихъ задачъ, приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженные вѣковымъ порабощеніемъ и уныніемъ. Этому третьему дѣлу, нравственному воспитанію народа, и посвятилъ свою жизнь Преподобный Сергій. То была внутренняя миссія, долженствовавшая служить подготовкой и обезпеченіемъ успѣховъ миссіи внѣшней, начатой пермскимъ просвѣтителемъ; Преподобный Сергій и вышелъ на свое дѣло значительно раньше св. Стефана. Разуется, онъ могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку, а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынножителей. Жизнеописатель, самъ жившій въ братствѣ, воспитанномъ Сергіемъ, живыми чертами описываетъ, какъ оно воспитывалось, съ какой постепенностью и любовью къ человѣку, съ какимъ терпѣніемъ и знаніемъ души человѣческой. Мы всё читали и перечитывали эти страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дровokolомъ, портнымъ, плотникомъ, какимъ угодно трудникомъ, служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха; какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новичка, возводя его со степени на степень иноческаго искусства, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью дозоромъ ходилъ мимо келій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснѣть, „тихой и кроткой рѣчью“ вызывалъ въ нихъ раскаяніе безъ досады. Читая эти рассказы, видишь

предъ собою практическую школу благоправія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навѣкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ дѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ Преподобнаго Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и строинаго цѣлаго; какъ въ мозаической иконѣ различныя по величинѣ и цвѣту камешки укладываются подъ рукой мастера въ гармоническое выразительное изображеніе. Наблюденіе и любовь къ людямъ дали умѣнье тихо и кротко настраивать душу человѣка и извлекать изъ нея, какъ изъ хорошаго инструмента, лучшія ея чувства, — то умѣнье, передъ которымъ не устоялъ самый упрямый русскій человѣкъ XIV вѣка кн. Олегъ Ивановичъ рязанскій, когда по просьбѣ великаго князя московскаго Дмитрія Ивановича, какъ рассказываетъ лѣтописецъ, „старецъ чудный“ отговорилъ „суровѣйшаго“ рязанца отъ войны съ Москвой, умилилъ его тихими и кроткими рѣчами и благоувѣтливыми глаголами.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Проф. Академикъ В. О. Ключевскій.

Князь Владиміръ Святой и Россія-Мученица.

Слово Епископа Николая Охридскаго на Владимірскихъ торжествахъ въ Бѣлградѣ.

Въ одномъ и томъ же 1015 году, черезъ семь недѣль одинъ послѣ другого, упокоились два славянскихъ князя, два святыхъ, два Владиміра. Одинъ-св. ІОАННЪ-ВЛАДИМІРЪ, князь сербскій, прозванный Эльбасанскимъ, другой-св. ВЛАДИМІРЪ-ВАСИЛІЙ, великій князь Кіевскій.

Смерть людей, какъ и ихъ рожденіе, совершается въ какомъ то таинственномъ порядкѣ, который наша человѣческая логика еще не могла постичь. Если имѣть въ виду сходство душевное, то св. ІОАННЪ-ВЛАДИМІРЪ, этотъ угодникъ отъ дѣтства до смерти, былъ больше похожъ на св. князя Александра-Невскаго, потомка св. ВЛАДИМІРА, кн. Кіевскаго, чѣмъ на этого послѣдняго, который лишь послѣ бурнаго языческаго прошлаго началъ проводить христіанскую жизнь. Можно сказать только то, что имя „Владиміръ“ сдѣлалось очень популярнымъ: у сербовъ благодаря св. ІОАННУ-ВЛАДИМІРУ, а у русскихъ благодаря св. ВЛАДИМІРУ-ВАСИЛІЮ, великому кн. Кіевскому, память котораго нынѣ прославляетъ русскій народъ.

Я полагаю, что всѣ южные славяне, а прежде всего сербы, должны и сердцемъ, и душой принять участіе въ этомъ торжественномъ праздникѣ нашихъ братьевъ-русскихъ, ибо совѣсть наша заставляетъ насъ плакать, когда русскіе плачутъ, и радоваться, когда русскіе радуются. Причина этому—нашъ долгъ Россіи. Человѣкъ можетъ быть должникомъ человѣка и народъ-народа. Долгъ же сербскаго народа Россіи съ 1914 г. настолько великъ, что его не могутъ выплатить цѣлые вѣка и цѣлыя поколѣнія. Этотъ долгъ любви, которая съ повязкой на глазахъ идетъ на смерть для спасенія своего ближняго. „Нѣтъ большей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“, это—слова Самого Христа Спасителя. Русскій царь и русскій народъ, когда предприняли войну ради защиты Сербіи, не будучи къ ней подготовлены, не могли не знать, что идутъ на смерть. Но любовь *русскихъ къ своимъ братьямъ не устрашилась опасности и не испугалась смерти. Сможемъ ли мы когда нибудь забыть, что русскій царь со своими дѣтьми и съ милліонами своихъ братьевъ принялъ смерть за правду сербскаго народа. Смѣемъ ли мы замалчивать передъ небомъ и землей то, что за нашу свободу и наше государство Россія заплатила дороже, чѣмъ мы. Этика міровой войны, неясная, вызывающая сомнѣнія и споры среди другихъ сторонъ, выступаетъ для сербовъ въ жертвѣ русскаго народа во всей евангельской ясности, несомнѣнности и безспорности. А неэгоистическій мотивъ, неземная этика, лежащая въ основѣ жертвы за другихъ, — развѣ это не есть избраніе царства небеснаго.

Но эта мистерія избранія того, что въ очахъ сего міра является для даннаго момента худшимъ,—эта мистерія открывается въ русской исторіи не одинъ только разъ и не въ наши только дни. Она представляетъ длительный процессъ, который проходитъ черезъ всю исторію русскаго народа, отъ св. ВЛАДИМІРА и доднесь.

Князь ВЛАДИМІРЪ—первый вмѣстѣ съ русскимъ народомъ возлюбилъ царство небесное и избралъ его. Говорю: съ народомъ, ибо и раньше его отдѣльныя личности прилѣплялись всецѣло царству небесному, какъ, напр., его бабка Ольга, кіевскіе мученики Феодоръ и Іоаннъ и другіе. Но ВЛАДИМІРЪ былъ первый, который устремился путемъ Креста съ цѣлымъ своимъ народомъ.

Принимая вѣру христіанскую, Владиміръ зналъ, что принимаетъ самую трудную изъ трехъ предложенныхъ ему религій. Лѣтописцы сообщаютъ, что онъ очень долго изслѣдовалъ, прежде чѣмъ рѣшился принять одну изъ нихъ. Онъ зналъ, что христіанская религія есть путь Креста, и что путь Креста означаетъ прежде всего разрывъ со своимъ дурнымъ прошлымъ, съ обрывками старыхъ привычекъ, со своею старой душой.

Зналъ онъ также и то, что не достаточно стащить Перуна веревками съ кіевскихъ холмовъ и утопить его въ Днѣпрѣ, но что, кромѣ того, и онъ самъ, и каждый изъ его подданныхъ долженъ выбросить всѣхъ идоловъ изъ своей души. А идолы славянскіе, увы, какъ и всякіе идолы, были вымышленными земными богами, самыми большими ничтожествами съ самымъ возвышеннымъ именемъ, тупыми и нѣмыми агентами земного царства, которые приковали людскія души къ землѣ, суля только земное царство, обманчивое счастье земное, котораго никто никогда въ глаза не видѣлъ. Славянское идолопоклонничество, съ его средоточіемъ въ Кіевѣ, дѣлало славянъ самымъ дикимъ народомъ въ Европѣ.

Каковъ былъ Владиміръ-язычникъ; таковы были и русскіе славяне: грубое стадо грабителей, разбойниковъ, чревоугодниковъ, пьяницъ, разрушителей. Вдовы у нихъ сжигались живыми на кострахъ. Идоламъ они приносили въ жертву зарѣзанныхъ дѣтей. Они были страхъ и трепетъ для всѣхъ культурныхъ народовъ, особенно для Византіи, самой культурной между ними. Самымъ большимъ удовольствіемъ для нихъ было разрушать то, чего

они не строили, и грабить то, чего они не приобрѣли. Какая сила подъ солнцемъ могла претворить это грубое стадо въ народъ, приручить его, переродить, преобразить, воскресить, дать ему душу святую вмѣсто звѣриной.

Одна только сила вѣры Христовой могла учинить это неземное чудо съ русскими. Она изъ Владиміра-волка создала Владиміра-ягненка. Будучи женоманьякомъ, Владиміръ вдругъ распустилъ свой гаремъ и началъ жить цѣломудренно. Владиміръ-чревоугодникъ и пьяница-началъ поститься и притомъ поститься до изнеможенія, — тотъ самый Владиміръ, который насмѣялся надъ мусульманской вѣрой, запрещающей употреблять въ пищу свинину и пить вино. Владиміръ-кровопійца началъ посѣщать больницы и темницы, подавая милостыню и утѣшеніе. Владиміръ-ночной гуляка и плясунъ-началъ проводить ночи въ слезныхъ молитвахъ, въ поклонахъ и метаніяхъ и въ размышленіяхъ о судѣ Божиѣмъ и о душѣ своей. Владиміръ-безстыдникъ сдѣлался стыдливѣе дѣвушки. Владиміръ-палачъ превратился въ кроткаго кающагося и милостиваго самарянина. Однимъ словомъ, Владиміръ-идолопоклонникъ преобразился и сталъ христіанскимъ угодникомъ, точно такъ же, какъ если бы съ одной и той же стѣны стерли картину демона и вмѣсто нея нарисовали ангела. Воистину, это болѣе поразительное чудо, чѣмъ превращеніе гусеницы въ мотылька.

Да и самъ переворотъ, который произошелъ въ душѣ Владиміра при его жизни, является такимъ великимъ чудомъ, что его можно приписать не столько усилю челоува, сколько силѣ и милости Божіей. Можетъ быть, кто либо изъ желающихъ постичь пути Промысла Божія въ недоумѣніи спросить: почему Богъ избралъ крестителемъ и возродителемъ русскаго народа такого именно челоува, который въ первой половинѣ своей жизни превзошелъ во злѣ, вѣроятнo, всѣхъ своихъ языческихъ предковъ и современниковъ. Но развѣ Тотъ, Который Савла гонителя обратилъ въ апостола Христовой вѣры, не зналъ, что дѣлаетъ, когда такого язычника, какъ Владиміръ, избралъ для самой великой миссіи среди такого великаго народа. Воистину трудно различить всѣ нити въ тончайшей ткани Божественнаго Промысла, но въ данномъ случаѣ эта нить довольно ясно различается. Именно, рассказывагося грѣшника нужно было поставить во главѣ всѣхъ колѣнъ русскихъ.

На порогъ новой Руси нужно было поставить освященнаго язычника, чтобы онъ стоялъ подобно мѣдному змію и своимъ примѣромъ предупреждалъ, ободрялъ и лѣчилъ споткнувшихся и павшихъ сыновъ русскихъ во всѣ грядущія времена. Самое лучшее поручительство для какаго нибудь лѣкарства это-излѣченнаго князя кіевскаго показать больнымъ, чтобы они съ радостью ухватились за лѣкарство, которое этому князю подарило здоровье. Изъ всѣхъ чудесъ, которыя совершаетъ въ мірѣ вѣра Христова, самымъ полезнымъ чудомъ является превращеніе грѣшника въ праведника. Отмѣченный этимъ чудомъ стоитъ св. Владиміръ на вратахъ христіанской Руси и какъ бы громко вѣщаетъ каждому русскому: „Я былъ ночью, но превратился въ день. Чѣмъ былъ ты и во что ты нынѣ превратился?“

„Владиміръ-красное солнышко.“ Такъ прозвалъ народъ русской своего духовнаго родоначальника. Разумный и благородный народъ русской этими словами лучше всего очертилъ личность крестившагося князя-крестителя. Грубая чувственно-тѣлесная масса превратилась въ „красное солнышко“. Это воистину случилось съ Владиміромъ. И Владиміръ сдѣлался и остался „краснымъ солнцемъ“ на протяженіи всей исторіи русскаго народа, въ теченіи минувшихъ девяти столѣтій. За время этихъ девяти столѣтій на Руси явилось множество святыхъ мужей и святыхъ женъ, святителей и чудотворцевъ; между которыми были и двое сыновей Владиміра-свв. Борисъ и Глѣбъ. Они больныхъ исцѣляли, бѣсноватыхъ укрощали, мертвыхъ воскрешали. Но всѣ они являются должниками св. Владиміру. И всѣмъ имъ много легче было стать святыми, чѣмъ Владиміру, великому князю и великому богачу, который сквозь игольные уши долженъ былъ проходить въ царство небесное и который не имѣлъ предшественниковъ въ мѣсяцеловѣ святыхъ своего народа.

Такимъ образомъ, святой князь Владиміръ не былъ ни обычнымъ великимъ человѣкомъ среди остальныхъ великихъ людей, ни обычнымъ святителемъ среди святыхъ. Онъ является піонеромъ величія и святости въ русскомъ народѣ, и къ тому же піонеромъ политикомъ, который подлинное величіе и подлинную святость сдѣлалъ государственной программой. Удивленія достойна государственная программа, которая не можетъ быть выполнена, если ея предварительно

не осуществить каждый гражданинъ въ самомъ себѣ, слѣдую личному примѣру Владиміра. Отъ этого угодника-государственнаго мужа начинается новая Русь, новый народъ, новый духъ, новый путь, новая культура. Крестивъ русскій народъ, св. Владиміръ изъ длительной русской ночи сдѣлалъ свѣтлый русскій день. Если бы кто либо вывелъ подземную рѣку на поверхность земли, прокопалъ для нея новое русло подъ небомъ и использовалъ ее затѣмъ въ ста направленіяхъ, онъ бы совершилъ дѣло, подобное тому, которое совершилъ св. Владиміръ для русскаго народа, но во много разъ меньшее и болѣе легкое. Темная языческая масса черезъ крещеніе сдѣлалась, съ теченіемъ времени, „краснымъ солнышкомъ“ среди остальныхъ народовъ. И мы можемъ воскликнуть: „О, русскій народъ, красное солнышко!“

Если мы оглянемся теперь и прослѣдимъ жизнь русскаго народа отъ св. князя Владиміра и донынѣ, то увидимъ, что она шла путемъ, на который ее привелъ духъ и примѣръ ея крестителя. Поколѣніе за поколѣніемъ, рождалось на русской землѣ и по своему рожденію было ставлено передъ выборомъ одного изъ двухъ царствъ: избирало царство небесное и уходило. Милліоны за милліонами являлись въ міръ, принимали на себя крестъ Владиміра и восклицая Христу: „Осанна...“ уступали мѣсто новымъ милліонамъ. Жатва Христова становилась все болѣе великой, все болѣе обильной. Но это историческое теченіе русской жизни было не безъ застоя, не безъ колебанія, не безъ пыли. Были въ немъ остановки, ожиданія немощныхъ, утомленныхъ, призывъ заблудшихся, омываніе загрязнившихся, какъ это обычно случается съ путешественниками. Рѣка русской народной исторіи текла въ опредѣленном направленіи, и это самое главное, иногда быстро, иногда медленно, иногда же такъ тихо, что трудно было установить: течетъ ли она впередъ или назадъ.

Вы слышали объ удивительномъ психическомъ явленіи, наблюдавшемся у нѣкоторыхъ лицъ, когда они въ моментъ какой либо смертельной опасности могли вдругъ увидѣть и обозрѣть всю свою жизнь отъ дѣтства до этого часа опасности. Я вѣрую, что въ дни теперешнихъ смертельныхъ ужасовъ, которые даютъ русскій народъ, должна была бы хотя немногимъ русскимъ явиться передъ очами картина всего прошлаго ихъ народа, отъ крещенія въ Киевѣ до нашихъ

дней. Если бы мы попытались вызвать въ своей душѣ и почувствовать тотъ смертельный ужасъ, который нынѣ царитъ надъ Россіей, наши глаза открылись бы для созерцанія русскаго прошлаго за послѣдніе девять вѣковъ. И мы видѣли бы, что на всемъ своемъ протяженіи историческая жизнь русская является классически ясной. Мы видѣли бы шесть періодовъ русской исторіи отъ св. Владиміра и до сего дня, и седьмой уже приближается, Какъ то само собой напрашивается сравненіе этихъ семи періодовъ съ семью Христовыми таинствами.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ, Владимірскій, соотвѣтствуетъ тайнѣ св. крещенія. Онъ коротокъ, но необычайно знаменателенъ, вслѣдствіе переворота въ жизни русскаго народа, вслѣдствіе вступленія на новый путь и устремленія къ новой опредѣленной цѣли.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ слѣдуетъ за первымъ и тянется до монгольскаго ига. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ тайнѣ миропомазанія. Въ этотъ періодъ народъ лѣчился отъ остатковъ язычества и утверждался въ религіи Креста. Надъ каждой отдѣльной русской душой нужно было совершить то перерожденіе, которое случилось съ Владиміромъ, и на каждую душу въ отдѣльности нужно было наложить печать царства небеснаго. А миропомазаніе, какъ тайна, и означаетъ утвержденіе въ вѣрѣ печатью дара Духа Святаго.

ТРЕТИЙ ПЕРІОДЪ протекалъ подъ властью монголь. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ тайнѣ святого покаянія. Было необходимо накопившіеся за время свободы грѣхи сдунуть съ души народной суровымъ вѣтромъ рабства, въ Россіи подъ монголами точно также, какъ на христіанскихъ Балканахъ подъ турками. Замедленную рѣку жизни нужно было перевести на скать и ввести въ каменистое русло, чтобы она потекла быстрѣе и чтобы воды ея очистились. Въ рабствѣ народъ молчитъ, погружается въ прошлое и кается. Рабство вполне плодотворно вліяло на то, что всегда являлось главной цѣлью русской исторіи, цѣлью, которую отчетливо и твердо поставилъ св. Владиміръ. А этой цѣлью было очищеніе духа отъ земли и избраніе царства небеснаго.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ отъ сверженія монгольскаго ига и до царя Петра. Освобожденіе началось Куликовской битвой, на девять лѣтъ раньше Коссовской битвы; принесшей сербскому народу рабство. Этотъ блестящій періодъ сво-

боды отвѣчаетъ святой тайнѣ брака. Душа народная, очищенная страданіемъ, обручается и всецѣло предается своему Небесному Жениху. На русской землѣ безраздѣльно царствуетъ Христосъ. Земля русская украшается безчисленными святынями и святителями, какъ небо звѣздами. Воодушевленіе Христомъ проникаетъ всѣхъ и каждого, начиная отъ царя и патріарха и до бездомнаго и юродливаго странника. Однимъ словомъ, -свадебный пиръ, соединеніе народа съ Богомъ.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ-отъ царя Петра до міровой войны. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ святой тайнѣ елеосвященія. Въ теченіе этого періода русская интеллигенція разлагается и колеблется. Она уходитъ изъ Россіи съ полной сумой народныхъ добродѣтелей; а возвращается домой съ сумой, наполненной чужими заблужденіями. Появляется шатаніе. Между образованными людьми вспыхиваютъ жестокіе раздоры и препирательства, не по мелочнымъ вопросамъ, но какъ разъ относительно основъ жизни, касательно народной программы св. Владимира. Все чаще открываются раны, и гной ширится по городамъ. Церковь въ селѣ и далѣе остается украшенной Христовой невѣстой, тогда какъ въ городѣ она является больничной сидѣлкой, которая заботливо и скорбно бодрствуетъ надъ больными. Число избравшихъ царство земное расстегъ лихорадочнымъ темпомъ. Утопленный Перунъ со своей идольской семьей высовываетъ голову изъ Двѣпра. Но духъ св. Владимира поражаетъ его голову. Рѣка русской жизни весьма замедляетъ свое теченіе, вслѣдствіе чего на ея поверхности накапливаются нечистоты. Но зато рѣка очень глубока. Ея глубина, это-душа многомилліоннаго народа.

ШЕСТОЙ ПЕРІОДЪ-отъ міровой войны или, лучше сказать, отъ мученической кончины Царя-Мученика продолжается донинѣ. „Князю міра сего“ Богъ попустилъ захватить власть надъ святой Русью. Богъ допустилъ, чтобъ временно была не Его воля, но воля грѣшная, которая отрекается царства небеснаго и избираетъ царство земное. Язычскій-до Владимірскій духъ завладѣлъ Россіей. Этотъ мрачный и злой духъ напрягается изъ всѣхъ силъ, чтобы рѣку русской жизни отвести отъ солнца Христова и сдѣлать ее подземной. Но народъ русскій причащается. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ тайнѣ святого причащенія. Никогда русскій народъ такъ искренно не соединялся съ воз-

любленнымъ ему Христомъ, какъ теперь, когда невѣрующіе плюютъ въ ликъ Христовъ. Никогда для него кровь Христова не была такъ сладка, какъ теперь, когда она является запретной и когда ее такъ трудно достать. О, сладчайшая кровь Иисусова, какъ ты стала несказанно сладка для тѣхъ сыновъ и дочерей Россіи, кровью и слезами которыхъ причащается земля русская въ эти дни.

А завтра настанетъ седьмой періодъ русской исторіи. Онъ будетъ соотвѣтствовать святой тайнѣ рукоположенія. На многострадальный народъ св.Владимира изольется новая благодать Духа Божія. Русскій народъ станеть священнымъ народомъ и будетъ какъ угренняя звѣзда между народами, — „красное солнышко“ — между племенами земными.

Итакъ, исторія крещенной Руси макрокосмически (въ увеличенномъ видѣ) представляетъ душевную драму св. Владимира точно также, какъ Владиміръ точно микрокосмически (въ уменьшенномъ видѣ) представляетъ всю исторію крещенной святой Руси.

Обратимся теперь къ современному состоянію міра.

Неся на себѣ кровь міровой войны, современный міръ глубоко погрязъ въ пошлости и вульгарности. Какъ таковой, онъ нуждается не въ одномъ святомъ-одного мало, — но въ цѣломъ освященномъ, святомъ народѣ. Этотъ народъ долженъ и въ наши дни пройти черезъ Владиміровы муки внутренней борьбы, чтобы царство небесное восторжествовало надъ земнымъ. Этотъ народъ долженъ перетерпѣть многіе удары и стать черезъ нихъ убѣленнымъ огъ грѣха, подобно тому, какъ полотно дѣлается бѣлымъ вслѣдствіе ударовъ валькомъ. Онъ долженъ креститься огнемъ мученій и слезъ для того, чтобы смягчился, облагородился, обожествился, усовершенствовался. Міръ ждетъ появленія такого народа. Кто же этотъ ожидаемый народъ? Это-народъ, о которомъ міръ нынѣ не умѣетъ ничего сказать яснаго и опредѣленнаго; о которомъ безсвязно, какъ въ бреду, лепечуть на всѣхъ пяти континентахъ. Это народъ судьбы, который судьба угнетаетъ для того, чтобы изъ него получился наилучшій хлѣбъ для духовной трапезы изголодавшагося міра. Русскій народъ нынѣ живетъ, раздѣленный на мучениковъ и мучителей. И одни, и другіе безконечно мучаются. И мы искренно желаемъ спасенія какъ однимъ, такъ и другимъ. Этимъ подъ видомъ самомучительства русскій народъ готовитъ себя для своей великой миссіи среди человѣчества.

готовить себя въ тому, чтобы громко произнести „новое слово“.

То „новое слово“ не будетъ по существу новымъ. Оно было въ началѣ русской исторіи и явилось чудодѣйственнымъ на св. князѣ Владимірѣ. Имъ русскій народъ оживотворялся и въ царству небесному прилѣплялся на протяженіи девяти вѣковъ своей исторіи. Это тоже самое Слово, которое совершило первое чудо на землѣ, когда претворило воду въ вино, и первое чудо въ Россіи, когда претворило языческую гнилую воду въ духовное вино, въ питье небесное.

Своимъ первымъ крещеніемъ, водою и Духомъ, за время св. князя Владиміра, Россія спасла христіанство. Именно въ то время, когда православная вѣра, имѣвшая подпору въ святой Византіи, не вслѣдствіе своей немощи, но вслѣдствіе немощи людской, — совсѣмъ ослабѣла: когда, съ другой стороны, политиканствующая вѣра Запада — вино, смѣшанное съ водой — боролось съ князьями этого міра за власть надъ земнымъ царствомъ, — христіанство было на смертномъ одрѣ, а истинные христіане въ великой скорби и смущеніи. Тогда Промыселъ Божій подвинулъ цѣлый континентъ, цѣлый, до тѣхъ поръ неизвѣстный муравейникъ людской на помощь истинной вѣрѣ. То была Русь св. Владиміра. Нынѣ, когда, съ одной стороны, сосуды вѣры христіанской, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, не являются достаточно сильными, чтобы помочь оглохшему и растерявшемуся міру; когда, съ другой стороны, закоренѣлое идолопоклонство подъ разными названіями подняло свою голову на всѣхъ пяти континентахъ; нынѣ снова Промыселъ Божій зоветъ Русь св. Владиміра въ помощь христіанству, а черезъ него и человечеству. Думаю, что эта помощь состоитъ въ томъ, чтобы на вѣсахъ цѣнностей дать перевѣсъ той сторонѣ, которая во имя Сына Божія свободно избрала Царство небесное.

Идетъ время, и почти уже пришло, когда крещенная и освященная мученичествомъ святая Русь свяжетъ всѣхъ модныхъ идоловъ, которые ее теперь гнетутъ, и, подобно св. Владиміру, выброситъ ихъ изъ земли русской въ невозвратную бездну.

Идетъ время, и почти уже пришло, когда на Руси будутъ обновляться не только святые иконы, какъ это совершается нынѣ, но когда цѣлая рать русскихъ живыхъ святыхъ

телей, отъ св. Владиміра до св. Серафима и до послѣднихъ мучениковъ во главѣ съ Царемъ Мученикомъ объявить небу и землѣ, что весь народъ русскій обновленъ Христомъ, въ мукахъ рожденъ наново, наново кровью крещенъ и, какъ таковой, готовъ помочь цѣлому свѣту.

Идетъ время, братья мои, и уже на порогѣ, когда загрязненный и отъ мукъ постарѣвшій ликъ русскаго народа засіяетъ какъ солнце, и озаритъ всѣхъ тѣхъ, которые сидятъ „во тьмѣ и сѣни смертной“. Тогда всѣ народы на землѣ съ благодарностью воскликнутъ: „Наша Россія, наша мученица, красное солнышко наше“, подобно тому, какъ русскій народъ непрестанно, а особенно въ нынѣшній день, каждый годъ, кличетъ: „Владиміръ-красное солнышко“.

Блаженны вы, которые въ эти дни плачете вмѣстѣ съ Россіей, ибо вы вмѣстѣ съ ней и утѣшитесь. Блаженны вы, которые нынѣ вмѣстѣ съ Россіей скорбите, ибо скоро съ ней и возрадуетесь.

Епископъ Николай Охридскій.

Два великана.

Два антипода въ русской литературѣ.

А. С. Пушкинъ (1799-1837) и Ф. М. Достоевскій (1821-1881)

(Окончаніе) *

Изъ свѣтлаго міра Пушкина перейдемъ въ хаотическій міръ Достоевскаго.

Если Пушкинъ принимаетъ міръ, какъ дѣло любящаго Бога, какъ садъ Божій—свѣтлый и прекрасный,—то Достоевскій выводитъ бунтаря противъ Бога и міра, противъ уклада семьи и государства. У него бунтуютъ умъ и сердце. Въ самомъ большомъ своемъ романѣ „Братья Карамазовы“, онъ даже одну изъ главъ романа озаглавилъ „Бунтъ“. Одинъ изъ героев этого романа—Иванъ Карамазовъ, молодой университетски образованный человѣкъ, устами котораго часто говоритъ самъ Достоевскій, отвергаетъ міръ, какъ нѣчто разумное, справедливое и гармоничное, такъ какъ въ мірѣ царятъ ужасныя преступленія.

* См. „Жит. Благовѣстникъ“ № 5.

Въ центральномъ мѣстѣ этого романа „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“ Иванъ такъ опредѣляетъ людей, населяющихъ этотъ міръ. Они: бунтовщики, малосильные, порочные и ничтожные. Человѣкъ,—говоритъ Иванъ,—слабъ и подлъ, онъ бунтуетъ, но это бунтъ дѣтей, выгнанныхъ изъ класса учителемъ. Горько раскаются эти, пока полные восторга бунтари. Человѣкъ не выноситъ свободы, и нужно „поборотъ свободу, чтобы сдѣлать людей счастливыми“.

Людыамъ, утверждаетъ Иванъ, необходимы: чудо, тайна и авторитетъ. Если человѣкъ отвергнетъ чудо, отвергнетъ и Бога, потому что человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ.

Потребность общности преклоненія предъ авторитетомъ и потребность всемірнаго соединенія бросили людей къ католицизму и социализму, но ни тотъ, ни другой не дали человѣку удовлетворенія. Онъ остается въ постоянномъ протестѣ и бунтѣ. Бунтарство и хаосъ души особенно выпукло изображены въ трехъ романахъ: въ „Вѣсы“, „Преступленіе и Наказаніе“ и „Братья Карамазовы“.

Въ романѣ „Вѣсы“ особенно ярко и пророчески вѣрна фигура политическаго бунтаря Шигалева. Поразительное сходство его внѣшности съ его мрачнымъ ученіемъ. Шигалевъ длиннорукій, высокій, тонкій съ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ медленно поднялся и меланхолически положилъ толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на столъ. Шигалевъ говорить:

—„Всѣ созидатели социальныхъ системъ съ древнѣйшихъ временъ до нашего 187... года были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчащіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ и въ томъ странномъ животномъ, которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колонны изъ алюминія—все это годится развѣ для воробьевъ... Выходъ изъ безграничной свободы я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ. Однакожъ, кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы, не можетъ быть никакого“.

Эту форму поясняетъ другой герой романа. Шигалевъ предлагаетъ раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родъ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи, достигнуть рядомъ

перерожденія первобытной невинности, въ родѣ какъ бы первобытнаго рая, хотя, впрочемъ, и будутъ работать. Мѣры, предлагаемыя Шигалевымъ для отнятія у 0, 9 челоѳчества воли и передѣлка его въ стадо, посредствомъ перевоспитанія цѣдыхъ поколѣній замѣчательны, основаны на естественныхъ данныхъ и очень логичны.

„Это земной рай и другого быть не можетъ“

Когда Шигалеву говорятъ, что тогда проще взорвать на воздухъ 0, 9 челоѳчества, онъ спокойно огвѣчаетъ: — „И, можетъ быть, это было бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ задачи... Какъ мѣръ не лѣчи, все не вылѣчишь, а срѣзавъ радикально сто миллионѡвъ головъ и тѣмъ облегчивъ себя, можно вѣрнѣе перескочить черезъ канавку.“

Руководитель молодыхъ бунтарей-молодой Верховенскій восхищается Шигалевымъ.—Шигалевъ... геній. Онъ выдумалъ „равенство“. У него хорошо-у него шпіонство. Каждый принадлежитъ всѣмъ и каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ-клевета и убійство, а, главное-равенство.

Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей. Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами... ихъ изгоняютъ или казнятъ: Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями: вотъ Шигалевщина.

Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство. Не надо образованія; довольно наукъ... Надо устроиться послушанію. Въ мѣрѣ одного только не достаетъ послушанія. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая; чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносы, мы пустимъ неслышанный развратъ, мы всякаго генія потушимъ... Все къ одному знаменателю... необходимо лишь необходимое-девизъ земного шара отселе“.

Съ 1917 года Россія въ мукахъ шигалевщины.

Въ романѣ „Преступленіе и Наказаніе“—самомъ кошмарномъ произведеніи Достоевскаго авторъ вводитъ въ мѣръ паденія и растлѣнія душъ.

Центральная фигура романа—студентъ Раскольниковъ—идейный преступникъ. Какъ и Шигалевъ, онъ считаетъ себя избраннымъ Наполеономъ въ человѣческомъ стадѣ. Для своего блага онъ считаетъ по совѣсти допустимымъ убійство человѣка. Разрѣшаетъ кровь по совѣсти. Убивъ старуху—ростовщицу и ея сестру, Раскольниковъ говоритъ несчастной, ради спасенія семьи, ставшей проституткой, Сонѣ Мармеладовой: „Я, вѣдь, только вошь убилъ, Соня, гадкую, зловредную“. А когда Соня, съ ужасомъ, восклицаетъ: „Это человѣкъ—то вошь?“ Раскольниковъ такъ объясняетъ свое право на кровь:

„Кто крѣпокъ и силенъ духомъ, тотъ надъ ними (обыкновенными людьми) и властелинъ. Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе... Стоить только посмѣть“.

Задолго до Ницше Достоевскій далъ образъ грядущаго сверхъ-человѣка. Но, этотъ русскій сверхъ-человѣкъ хаотично непослѣдователенъ. Раскольниковъ кричитъ, что онъ „не старушонку убилъ, а себя убилъ“, кланяется въ ноги Сонѣ, объясняя ей: Я не тебѣ поклоняюсь, я всему страдающему человѣческому поклонился“. Проситъ крошеу Полю-сестру Сони—помолиться за него и, даже, идетъ на грязную площадь и кланяется на колѣняхъ землѣ, которую онъ осквернилъ пролитіемъ крови.

Но, у Раскольникова истерика покаянія только, а не глубокое чувство вины предъ человѣкомъ, предъ матерью—землей. Послѣ своего поклона въ землю, онъ озлобленъ противъ Бога, міра и человѣка еще болѣе. Бунтарски доказывая свое право на убійство человѣка, Раскольниковъ получаетъ отъ Сони отвѣтъ, который даетъ всегда здоровое сердце и умъ: „Вѣдь я Божьяго промысла знать не могу... Кто меня судьей тутъ (на землѣ) поставилъ, кому жить, кому не жить“.

А ея пьяница отецъ излагаетъ ео слезами и восторженно свою вѣру, что отвѣтъ на всѣ страшные и, казалось бы, неразрѣшенные вопросы жизненной трагедіи, будетъ данъ жертвамъ этой трагедіи. Онъ говоритъ о правѣ падшаго человѣка на жалость къ нему, падшему, о необходимости понять и пожалѣть каждого сына планеты скорби.

„Пожалѣетъ насъ Тотъ (Христозъ), Кто всѣхъ пожалѣлъ и Кто всѣхъ и вся понималъ. Онъ—Единый, Онъ и

Судья... всѣхъ разсудить и простить: и добрыхъ, и злыхъ, и премудрыхъ, и смиренныхъ... и простретъ къ намъ руки Свои и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ. Господи, да придетъ Царствіе Твое!“

Раскольниковъ видитъ только царство звѣря на землѣ и не допускаетъ Царства Господа. Это царство звѣря вылилось у Достоевскаго въ величественную эпопею „Братьевъ Карамазовыхъ“.

Здѣсь всѣ персонажи отравлены истеріей грѣха, порока, преступленія. Точно укушенные ядовитой фалангой. Эту эпопею теперь въ Европѣ изучаютъ и комментируютъ съ университетскихъ кафедръ.

Обиліе великихъ идей, ихъ оригинальность, глубина, яркость-особенности Достоевскаго, какъ единственнаго мірового писателя, дерзнувшаго взойти на такія высоты духа и мысли, вызвали даже предположеніе, что тутъ много помогла Достоевскому его болѣзнь-эпилепсія. Не даромъ, де арабы называютъ эту болѣзнь „священною“ и пророкъ Магометъ былъ эпилептикъ.

Достоевскій, отчасти, самъ поддерживалъ эту мысль въ словахъ одного изъ героевъ „Преступленіе и Наказаніе“—Свидригайлова, что больному человѣку открывается „возможность другого міра, и чѣмъ больше человѣкъ боленъ, тѣмъ и соприкосновеніе съ другимъ міромъ больше, такъ что, когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ“.

Въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“ и въ романѣ „Идіотъ“, Достоевскій далъ яркіе и вѣрные образы преступниковъ и душевныхъ болѣзней.

„Мертвый домъ“—это каторжная тюрьма, въ которой былъ помѣщенъ Достоевскій, какъ политическій преступникъ. Отбывъ каторгу, Достоевскій радикально измѣнился: изъ социалиста онъ сталъ націоналистомъ и глубокимъ почитателемъ своего народа и его идеаловъ. Въ тюрьмѣ онъ понялъ, что русскій народъ „богоносецъ“, такъ какъ въ самыхъ глубинахъ своего паденія этотъ народъ сознаетъ свой грѣхъ предъ Богомъ.

Понятіе грѣха, а не права господствуетъ въ народной душѣ. Русскому преступнику не дорого, что его проститъ законъ человѣческой. Онъ ищетъ прощенія отъ Бога, не за

преступленіе свое противъ людей, а за грѣхъ, которымъ онъ оскорбилъ Бога.

Достоевскій отмѣчаетъ, что эти страшные, клейменные въ кандалахъ преступники, имѣвшіе, нѣкоторые, по 20 убійствъ за собой, — когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова „но какъ разбойника меня прими“ — почти всѣ повалились на землю, звуча кандалами.

Достоевскій далъ образы преступниковъ всѣхъ видовъ: религіознаго, случайнаго по страсти, политическаго, прирожденнаго. Послѣдній, Ломброзовскій типъ, выведенъ въ лицѣ Петрова. — Это самый рѣшительный, самый безстрашный. Онъ на все способенъ, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, если ему придетъ капризь. Онъ зарѣжетъ, если ему это вздумается, такъ просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается.

Въ этомъ клейменомъ мірѣ Достоевскій нашель живыя струны души человѣческой, не порванныя окончательно порокомъ и преступленіемъ. Арестанты, какъ дѣти, любили животныхъ (лошадь, козла, орла) каторги, какъ дѣти, любили театръ и соревновали другъ другу и гордились своими успѣхами на подмосткахъ тюремной сцены. А главное, они были русскіе люди, кающіеся въ своемъ грѣхѣ отпаденія отъ Бога и его заповѣдей. „Несчастные грѣшники“. Достоевскій на каторгѣ научился отъ нихъ глѣбоко понимать горе людское, страсти людскія и прощать падшихъ людей. Эти каторжники научили его любить русскій народъ.

Русская душа — сложный продуктъ сложнѣйшей и громадной исторіи. Сценой для нея были необъятныя степи, непроходимыя лѣса и горы, сотни (не менѣе 500 лѣтъ) борьбы съ различными азіатскими ордами. Поэтому русская душа вмѣщаетъ въ себѣ и свѣтлый міръ Пушкина и хаосъ, мракъ Достоевскаго. Русская душа „бездна“ по преимуществу. Но и въ гармоніи ея лучшихъ силъ, какъ у Пушкина, и въ мракѣ паденія, какъ у Достоевскаго, русская душа имѣетъ неопѣнимое достоинство: у русскихъ нѣтъ самоудовольства. Россія не разъ глубоко падала (въ 1220 г. и въ 1611 г.), но и покаяніе приносила титаническое. Отъ героевъ Достоевскаго шла къ героямъ Пушкина и воскресала.

А. Лифантьевъ.

Праздникъ Православной Церкви въ Китаѣ въ честь Св. Мучениковъ.

Во время боксерскаго возстанія въ 1900 году Православная Церковь въ Китаѣ перенесла тяжелое испытаніе. Никогда не изгладятся изъ памяти пекинцевъ лѣтніе мѣсяцы этого года, а особенно дни 10 и 11-го Іюня. Наша Миссія, только начавшаяся устраиваться и развиваться, была разрушена до основанія: святыни поруганы, храмъ и зданія превращены въ кучи развалинъ; православные китайцы подверглись страшнымъ мученіямъ и убійствамъ.

Чтобы увѣковѣчить дни 10-го и 11-го Іюня и навсегда имѣть память о кровавыхъ ужасахъ этихъ дней, благодаря ходатайству бывшаго въ то время Начальника Пекинской Духовной Миссіи Архимандрита Иннокентія, указомъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго изъ Святѣйшаго Синода отъ 22-го Апрѣля 1902 года за № 2874, разрѣшено устроить на мѣстѣ разоренной церкви храмъ въ честь Св. Мучениковъ, со склепомъ подъ алтаремъ и установить для православной общины въ Китаѣ праздники: 10-го и 11-го Іюня, при чемъ 10-го соблюдать строгій постъ, а 11-го отправлять торжественное Богослуженіе во имя Святыхъ Мучениковъ Православной Церкви съ крестнымъ ходомъ на мѣста избіенія христіанъ.

Въ 1903 году останки православныхъ христіанъ извлечены изъ земли и колодца и перенесены въ склепъ подъ церковью Св. Мучениковъ, гдѣ были спеленены въ шелковыя тѣани и масляный холстъ и опущены въ землю.

Въ настоящее время надъ останками умученныхъ и убіенныхъ за Св. Православную вѣру 222 православныхъ китайцевъ красуется величественный храмъ въ честь Всѣхъ Святыхъ Мучениковъ, посвященный памяти погибшихъ.

Въ склепѣ правой галлерей храма покоятся останки Митрополита Иннокентія и Архіепископа Симона, начальниковъ 18 и 19-ой Миссій.

Ко дню 250 лѣтняго юбилея Миссіи-10 іюня 1935 года были воздвигнуты и освящены Преосвященнѣйшимъ Викторомъ, Епископомъ Пекинскимъ и Китайскимъ, Начальникомъ 20-й Россійской Миссіи въ Китаѣ, памятники: 1) на мѣстѣ убіенія въ 1900 году священника Митрофана

Цзи, 2) въ саду у колодца, куда боксеры сбрасывали тѣла умученныхъ ими православныхъ китайцевъ и 3) у свѣчнаго завода.

Первый и третій памятники представляютъ художественно исполненные ажурные металлическіе кресты на гранитныхъ основаніяхъ. Подъ фундаментъ второго, сдѣланнаго изъ бѣлаго мрамора, камни взяты изъ колодца, въ который 37 лѣтъ тому назадъ боксеры сбрасывали тѣла умученныхъ. На русскомъ и китайскомъ языкахъ на лицевой сторонѣ памятника высѣчено: „Блаженъ его же избралъ и пріялъ еси, Господи. Памяти 222 православныхъ китайцевъ, во имя Христова, мученически пострадавшихъ здѣсь 10-го іюня 1900 года“. На другой сторонѣ: „Освященъ въ 250-лѣтнюю годовщину Россійской Духовной Миссіи въ Китаѣ. 1635-1935“.

Глубоко трогательны и умилительны страданія и исповѣданія новыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ Китайской Православной Церкви изъ православныхъ китайцевъ, прославившихъ Китай предъ престоломъ Всевышняго. Память ихъ ежегодно торжественно празднуется Миссіей и ихъ потомками и родственниками, счастливыми тѣмъ, что они имѣютъ такихъ высокихъ молитвенниковъ за себя и за всю Миссію Православную предъ Господомъ Богомъ.

Издание Россійской Духовной Миссіи въ Китаѣ.

Адресъ редакціи: Russian Orthodox Mission. Pei-guan. Peiping.

Редакторъ: С. П. Гвоздевъ.